

ИЗ ПИСЬМА К БОЛГАРСКОМУ СОЦИАЛИСТУ

Сан-Ремо, 27 октября (нов. стиля)

...Вы слышали, 1) что, по моему мнению, все славяне должны в настоящее время стать на сторону Российской империи. Вы хотите знать, правда ли это, и Вы полагаете, что мой ответ будет важен для всех славян. Это последнее обстоятельство очень лестно для меня. Но я считаю себя обязанным заметить, что я не заслужил такого большого внимания со стороны славянского мира.

Сам будучи славянином, я всегда интересовался жизнью славян и всегда очень сочувствовал им в тех испытаниях, которые выпадали на их долю. Но я не только славянин. Я, кроме того, – социал-демократ школы Маркса–Энгельса.

Известно, что социал-демократы этой школы смотрят на общественные явления не с точки зрения племени или национальности, а с точки зрения класса. И как ни сильно впечатление, произведенное на меня нынешней войною, – я не могу покинуть привычную для меня классовую точку зрения. С Вами, как и со всяким другим славянином, я готов рассуждать о задачах переживаемого нами исторического момента лишь при том условии, что Вы будете придерживаться той же классовой точки зрения, т. е. точки зрения международного пролетариата.

До сих пор отношение этого класса к войне было вполне определено. Сознательный международный пролетариат выступал самым решительным ее противником, и каждый раз, когда на политическом небосклоне Европы собирались военные тучи, он готовился к более или менее решительному протесту.

Вы знаете, что в авангарде международной армии пролетариата шла немецкая социал-демократия. Все мы, социал-демократы других стран, гордились ее успехами, все мы возлагали на нее самые большие надежды. Мы были твердо уверены в том, что уже одно ее существование представляет собой надежнейшую гарантию прочности международного мира. Когда нас спрашивали, что именно сделает германская социал-демократия в том случае, если мир будет нарушен, лично я всегда отвечал, что это будет зависеть от тех обстоятельств, при которых вспыхнет война, но что уже теперь не подлежит ни малейшему сомнению одно: германская социал-демократия останется верной своей природе...

До самого конца июля нынешнего года эта моя уверенность оставалась непоколебимой. Я с восторгом читал передовые статьи центрального органа германской социал-демократии, направленные против политики германского канцлера. В этих статьях доказывалось, что именно эта политика грозит привести к войне, так как именно Берлин продиктовал венскому правительству тот ультиматум, которого Сербия никак не могла принять, если не хотела отказать от своей независимости.

В них доказывалось также, что Россия не может не поддержать Сербии, если не хочет потерять всякое влияние на Балканском полуострове. Это было в самом деле так. Но публицисты германской буржуазии уже тогда рассуждали совершенно иначе: они уже тогда были ослеплены шовинизмом, которого оставались совершенно чужды публицисты социал-демократы. Эти люди смело выполняли тогда свою обязанность пролетариев, стоящих на международной точке зрения. Последовательные до конца, они восставали против своей собственной страны, когда она готовилась совершить несправедливое действие.

Вы знаете, что в конце июля в Брюсселе состоялся съезд Международного социалистического бюро, сопровождавшийся большим международным митингом против войны. В речи, произнесенной на этом митинге, представитель германской социал-демократии, т. Гаазе, весьма прозрачно намекнул, что война может послужить поводом для активного выступления немецкого пролетариата. Делая этот ясный намек, он тоже остался верным своему направлению... Борясь с германским милитаризмом, немецкие социал-демократы держались правила: «Keinen Mann! Keinen Groschen!» Естественно было ожидать, что в тот момент, когда благодаря усилиям немецких империалистов война из опасной возможности превратится в страшную действительность, немецкие социал-демократы не только откажутся поддержать ее хотя бы одним человеком или одним грошем, но так или иначе двинут против партии империалистов все свои материальные и нравственные силы. Но, увы! Произошло не то.

В историческом заседании рейхстага, состоявшемся 4 августа, тот же т. Гаазе заявил, что социал-демократическая фракция будет голосовать за военный кредит и вообще примет деятельное участие в войне. Заявив это, он выразил ту надежду, что поведение его партии будет одобрено Интернационалом, который всегда признавал право каждого народа на независимое существование. Я не поверил буржуазному «Le Temps», в котором я впервые прочел об этом заявлении Гаазе. Я говорил себе: «Если германская социал-демократия так кстати вспомнила то положение Интернационала, что каждый народ имеет право на существование, то она не могла забыть, что Германия начала войну циничным нарушением нейтралитета Люксембурга и Бельгии».

Сослаться на то, что каждый народ имеет право на самоопределение и в то же время умолчать о Люксембурге и Бельгии, значило погрешить тем, что французы называют une Tartufferie. Вы сами прекрасно понимаете, до какой степени не пристала роль Тартюфа представителям пролетариата. Я уверен, что для Вас заявление т. Гаазе было так же неожиданно, как и для меня, и что на Вас, как и на меня, оно произвело крайне тяжелое впечатление. Но дело не кончилось этой Tartufferie. Тот же самый «Vorwärts», который так убедительно доказывал в конце июля, что ответственность за приближавшуюся войну целиком падает на германскую дипломатию, взял совершенно другой тон, как только война была объявлена, и заговорил языком вульгарного патриотизма. С горестным удивлением читал я на его столбцах сообщения о героических подвигах венгерских гонимых и других, ему подобных. Раз заговорив в таком

тоне, центральный орган германской партии переставал быть опасным для немецкого империализма...

Вспомните, что в 1870 г. Бебель и Либкнехт воздержались при голосовании военного кредита, хотя считали Францию нападающей страной. Бебель говорил впоследствии, что он и Либкнехт голосовали бы против кредита, если бы не были введены в заблуждение Бисмарком, фальсифицировавшим известную Эмскую депешу. Отсюда видно, что тогдашнее поведение германской партии не похоже на ее нынешнее поведение.

Чем объясняется эта разница?

Немецкие товарищи отвечают, что они не могли не поддержать борьбу с русской реакцией. Но... ответ ли это, полно?

Союз Франции с Россией ни для кого не был тайной почти с самого своего возникновения. Если германские социал-демократы признавали нужным поддерживать войну с Россией, то они тем самым принимали решение воевать и с республиканской Францией. А раз это было так, то т. Гаазе обязан был торжественно довести это до сведения всего Интернационала на заседании Международного бюро и на международном митинге в Брюсселе. Исполнил ли он эту обязанность? Нет. Напротив, в речи, произнесенной им на митинге, он грозил немецкому правительству активным протестом. Что же это такое?

А международные социалистические съезды? Принимавшие в них участие представители германской социал-демократии тоже, разумеется, знали о существовании франко-русского союза; тем не менее они никогда ни одним словом не намекнули на то, что война против России, – а, стало быть, и против Франции, – встретит поддержку с их стороны. Хотя они и не решались принять исходившее чаще всего от французов предложение о том, чтобы международный пролетариат ответил на объявление войны массовой стачкой, однако они давали понять, что военные действия не только не будут поддержаны ими, но, напротив, побудят их к опасным для германского правительства выступлениям. В Штутгарте они чувствовали себя глубоко обиженными, когда Густав Эрве заподозрил их в том, что они не решатся оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление политике крови и железа. Неужели немецкие участники социал-демократических международных съездов были неискренни? Неужели они на самом деле не обижались на подозрение, высказанное Густавом Эрве, а только считали нужным принять вид людей, обиженных им?

Подобные предположения кажутся мне совершенно невыносимыми. Мы не имеем никакого права предполагать, что германские товарищи лицемерно вели себя на международных съездах. Но если это так, то чем же объясняется их нынешнее поведение?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я попрошу Вас принять в соображение, что странно бороться с реакцией посредством германского империализма. Германский империализм заинтересован не в разрушении отсталости соседних стран, а в ее упрочении и в ее расширении. На Мангеймском съезде германской социал-демократии, как известно, даже поднимался вопрос о том,

что должны будут предпринять наши немецкие товарищи, если германский император двинет свою армию на борьбу с русским освободительным движением. Правда, с тех пор обстоятельства изменились в том смысле, что у нас на время восторжествовало «успокоение». Но из этого отнюдь не следует, что немецкий император, так энергично поддерживавший политику «успокоения» в 1905–1907 годах, ополчится на борьбу с нею в 1914 г. Совершенно наоборот. Если бы победа расширила влияние немецкого императора на наши внутренние дела, то замедление общественного развития России, а следовательно, и ослабление ее оборонительных сил было бы в интересах «его как представителя германского милитаризма».

Или, может быть, немецкие товарищи вдруг почувствовали страх при мысли о том, что победа России сделает русскую реакцию вершителем политических судеб всей Западной Европы. Но совершенно ясно, что германский милитаризм несравненно опаснее для всей Западной Европы, нежели милитаризм российский, так как материальные силы, находящиеся в распоряжении первого, несравненно значительнее, нежели те силы, которыми располагает второй. Для капиталистической Европы безвозвратно миновало то время, когда политическая гегемония могла принадлежать в ней экономически отсталой стране.

Это должны были понимать немецкие товарищи. Не страх перед русской реакцией заставил их изменить традициям Бебеля и Либкнехта, а скорее страх перед своими собственными избирателями.

При объявлении войны население германской империи пережило припадок шовинизма, ввиду которого наши немецкие товарищи сочли нужным коренным образом изменить свою тактику. По всему видно, что они рассуждали так: «в настоящее время высказаться против войны, значит ослабить свое влияние в стране, а ослабив его, мы рискуем получить на следующих выборах не четыре с четвертью миллиона голосов, а, может быть, только два или полтора, или и того менее. Лучше голосовать военные кредиты, нежели пережить подобное уменьшение числа голосов».

К этому соображению об исходе будущих выборов прибавилось, вероятно, опасение того, что военный угар распространился и на организованный пролетариат, т. е. на членов их собственной партии и их профессиональных союзов. Чтобы избежать столкновений и раскола в своих организациях, германские социал-демократы решили лучше пожертвовать своей старой тактикой и пойти за немецким милитаризмом в его будто бы «оборонительной» войне с Францией и Россией – в этой оборонительной войне, наступательный характер которой был заранее и так хорошо разоблачен в центральном органе германской социал-демократической партии.

Конечно, это было совершенно оппортунистическое решение. Но в том-то и дело, что нынешнее поведение германской социал-демократии представляет собою величайшее торжество того оппортунизма, который с конца прошлого столетия «пересматривает» («ревизует») учение Маркса и Энгельса. «Пересмотр» начался с теоретических основ этого учения, а закончился от-

вержением вытекавших из них практических выводов. Это было вполне естественно и неизбежно.

Слепы были те наши товарищи разных стран, которые воображали, что можно держаться выводов данного учения, отвергнув его послышки.

Чтобы Вы не заподозрили меня в преувеличении, я приведу Вам пример. Вы знаете, что один из самых видных германских ревизионистов, Людвиг Франк, поступил добровольцем в германскую армию и погиб в одном из ее отрядов во время нашествия на французскую территорию. Что же побудило его принять участие в этом нашествии? Его друг А. Зюдекум отвечает на это так. Франк решительно отвергал то мнение, будто победоносная война явится несчастьем для немецкого народа. Он утверждал, что, наоборот, она даст чрезвычайно сильный толчок прогрессивному развитию Германии. Историческое заседание 4-го августа – то самое заседание, которое внесло так много тяжелого смущения в ряды международных социалистов – представлялось ему точкой благодетельного поворота во внутренней политике Германии. Он говорил, что, конечно, экономическая противоположность между рабочими и предпринимателями не исчезнет благодаря войне. Однако та героическая солидарность, которая объединит весь народ на поле битвы, перед лицом неприятеля, устраним многие безобразия прежних отношений и воззрений. Уже теперь само собою разумеется, что массы приобрели тут политическое равноправие (например, в Пруссии). Улучшение материального положения малосостоятельных и совсем несостоятельных слоев станет настойчивой обязанностью общества по отношению к своим спасителям (sic!). Организованный рабочий класс приобретет большое влияние на законодательство и управление страной. Бесчисленные задачи, которые вырастут перед немецким народом после победоносной войны, откроют широкий простор его силам, прежде не находившим себе приложения. И тогда увидят, на что способны немецкие рабочие и немецкие социал-демократы.

Соблазнительная перспектива. Когда один из товарищей Франка заметил ему, что в этом отрадном будущем понадобится также его совет и его сила и что ему не следовало рисковать своей жизнью, он возразил, что должен же кто-нибудь пожертвовать собою для начала дела. (См. статью А. Зюдекума «Л. Франк» в журнале «Mars» от 3-го октября 1914.)

Нельзя не признать, что в поведении Франка было очень много самоотвержения. Но чем больше самоотвержения обнаружил он, тем сильнее приходится сожалеть о том, что путь, избранный в данном случае этим самоотверженным человеком, не имел ничего общего с тем, по которому шла до сих пор и должна была всегда идти марксистская практика.

До сих пор, по мнению марксистов, точкой поворота в истории цивилизованного человечества должна была явиться замена капиталистического производства – социалистическим. Франк совершенно справедливо находил, что подобная замена не может быть следствием победы Германии над ее нынешними противниками. Но он готов был удовольствоваться несравненно меньшим. Та новая эра, которая, как он думал, должна наступить после победы

носной войны, характеризуется у него устранением не капитализма, а только известных безобразий, — он говорит, собственно: «многих шлаков и ржавчины» — выросших на капиталистической почве. Так как останется капитализм, то останется и эксплуатация одного класса другим. Но несмотря на это, взаимные отношения между классами будут развиваться в духе той солидарности, которая возникнет в немецком войске перед лицом неприятеля. Вот эта та солидарность и устранил многие безобразия прежних (капиталистических) отношений и (обусловленных ими) воззрений. В переводе на язык марксистской прозы это значит, что господствующие классы согласятся на некоторые реформы, с помощью которых будут удалены «шлаки» и стерта «ржавчина» нынешнего капиталистического строя.

Излишне доказывать, что здесь мы имеем перед собой «ревизионизм», введенный в квадрат: реформизм и вместо борьбы классов — их солидарность. И какая солидарность? Та, которая охватывает все классы общества под влиянием воинственного угара. В своей маленькой утопии покойный Франк выступает перед нами колоссальным утопистом.

Но в его маленькой утопии была своя непогрешимая логика. Марксисты прекрасно понимали, что преобразование способов производства не может быть делом одной страны. «Соединение усилий по крайней мере цивилизованных стран есть одно из первых условий освобождения пролетариата» (Манифест Коммунистической партии).

Сознанием этой истины определялось сознание солидарности интересов рабочего класса всех стран. Марксисты-практики ставили себе целью в движении пролетариев различных наций, выделять и отстаивать общие, независимые от национальности интересы пролетариата. Марксизм учил, что «вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения нации между собой».

Ни для чего этого не может быть места в маленькой утопии покойного Франка. Его поле зрения ограничивается Германией. Как мы уже знаем, его новая эра начинается не с устранения, вместе с классами, антагонизма классов внутри немецкой нации, а лишь с ослабления этого антагонизма. Но ослабление это должно явиться, по его мнению, в результате именно враждебных отношений между нациями, т. е. как следствие победы Германии над Францией, Бельгией, Россией и т. д. Он приурочивал свои радужные надежды не к объединению пролетариев всех стран, а к объединению всех классов своего германского отечества. Ему было совсем не до того, чтобы «в движении пролетариев всех наций выделять и отстаивать общие, независимые от национальности интересы пролетариата». Его новая программа строилась на защите частных интересов одной нации.

Последовательный интернационализм заменился националистическим реформизмом. И уж само собою разумеется, что Франк не имел ни логического, ни нравственного права повторить клич Интернационала: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». За ним осталось лишь право воскликнуть: «Соединяйтесь, немцы всех общественных классов. Соединяйтесь для опустошения

Бельгии, соединяйтесь для ограбления Франции, соединяйтесь для борьбы с конкуренцией Англии и т. д. и т. д. Опустошив, ограбив и ослабив все непокорные немецкому императору земли, обеспечив себе счастливую возможность экономической эксплуатации всех побежденных народов, мы заживем на славу».

В полном согласии с Франком центральный орган немецкой социал-демократии в Австрии призывал своих единомышленников бороться за немецкое человечество. Практически марксизм, бывший международным по самому своему существу, считал необходимым разоблачать дипломатические интриги и равнять свои усилия к тому, чтобы в международных отношениях господствовали «простые законы нравственности и права». Первый манифест международного товарищества рабочих утверждал, что борьба за такую внешнюю политику есть одна из составных частей общей борьбы за освобождение рабочего класса.

Сообразно с этим пролетариат должен противодействовать нарушителям этих простых законов. В частности, он должен всею силою своего мнения отстаивать мир вопреки династическим или империалистическим целям: завоевание новых рынков, колоний и т. п.

Как отмечено мною выше, центральный орган германской социал-демократии свято выполнил эту обязанность в конце июля текущего года, убедительно доказывая, что ответственность за острое ухудшение международных отношений падает на германское правительство. Но ни в приводимых Зюдекумом рассуждениях Франка о наступлении новой эпохи внутреннего развития Германии, ни в соображениях самого Зюдекума нет ни малейшего намека на вопрос о том, может ли быть оправдано поведение германской дипломатии с точки зрения «простых законов нравственности и права». Оно и понятно. Франк держался, а Зюдекум продолжает держаться не интернациональной, а национальной точки зрения. С национальной германской точки зрения, победоносная война желательна вовсе не потому, что она поможет осуществить требования «нравственности и права», а потому, что она обеспечит интересы германского империализма. Но империализм есть политика хищничества. Эта политика означает эксплуатацию одного народа или одних народов другим народом или другими народами. Франк сложил свою голову, самоотверженно стремясь обеспечить Германии наибольшую возможность эксплуатации других народов. Зюдекум вполне одобряет такой род самоотвержения. Это уже само по себе весьма печально. Но еще несравненно печальнее то, что в заседании рейхстага 4-го августа вся германская социал-демократическая фракция, голосовавшая за военный кредит, высказалась устами т. Гаазе в духе Франка–Зюдекума. С этих пор она сама служит опорой, – и едва ли не самой надежной опорой, – империалистской политики немецкого юнкерства и немецкой буржуазии.

Главное в том, что, когда один народ, преследуя империалистические цели, нападает на другой, этот последний не может не защищаться, если только он не достиг крайней степени упадка и слабости. И международная социал-

демократия не может не сочувствовать его самозащите, если только она в самом деле руководствуется в своей иностранной политике «простыми законами нравственности и права». Этим определяется мое отношение к французским социалистам, голосовавшим за военный кредит и даже вступившим, в лице Геда и Самба, в министерство. Франция – атакованная страна. Поэтому поведение французских социалистов не могло быть таким, каким должно было быть поведение немецких социалистов, т. е. социалистов атакующей стороны. В еще большей степени применимо это к Бельгии.

Германская армия покрыла Бельгию развалинами и превратила ее в озеро крови за то, что она не согласилась, дав ей свободный проход через свою территорию, облегчить вторжение немецкой армии во Францию. Если нынешний Интернационал верен заветам первого Интернационала, основанного Марксом; если в своей иностранной политике он продолжает руководствоваться «простыми законами нравственности и права», то он должен единодушно восстать против обращения Германии с Бельгией. Говорю «единодушно», так как, по моему мнению, немецкие социал-демократы обязаны были протестовать против этого поведения громче всех остальных. Нелепо было бы требовать от социалистов той или другой страны равнодушия к интересам своей родины. Социализм отнюдь не исключает любви к отечеству. Но между тем как люди, держащиеся точки зрения эксплуатирующих классов, находят позволительным и даже обязательным ставить интересы своей страны выше интересов всего остального мира, социалист должен иметь мужество пойти против своего отечества, когда оно в своей иностранной политике поступает несправедливо, нарушает «простые законы нравственности и права». Только тот социалист, который способен на это, и может назваться международным социалистом; только тот социалист, который способен на это, и имеет право сказать о себе, что в его любви к отечеству нет шовинизма. К величайшему сожалению, приходится констатировать, что со стороны немецких социалистов до сих пор не раздавалось протеста против того, что было сделано с Бельгией. Говорят, что с таким протестом собирается выступить Карл Либкнехт. Будем надеяться, что он поведет себя как достойный сын своего отца; но пока что германское войско, составленное приблизительно на одну треть из социал-демократов, продолжает совершать подвиги, достойные гуннов, причем некоторые органы немецкой социал-демократии, – даже такой, как «Gleichheit» Клары Цеткиной, – имеют крайнюю наивность (я не позволяю себе ни сказать, ни подумать: лицемерие) упрекать бельгийцев в жестоком отношении к немецким солдатам.

Может быть, ни в чем не сказалась до такой степени ярко победа правого крыла немецкой социал-демократии над левым, как в том факте, что германские социал-демократы в лучшем случае молчат, между тем как буржуазная немецкая интеллигенция громко провозглашает себя солидарной с варварством немецких милитаристов. Но если молчание немецкой социал-демократии понятно, хотя и достойно сожаления, то, признаюсь, я не понимаю, почему социал-демократы нейтральных стран так нерешительно, почти вяло выска-

зываются против действий, к которым не может относиться равнодушно ни один человек, имеющий, по известному немецкому выражению, сердце там, где ему полагается быть. Говоря это, я имею в виду главным образом социалистическую печать Италии и Швейцарии: рабочая печать других нейтральных стран мне мало доступна. Думаю, однако, что если бы в ней раздалась энергичные протесты, то они проникли бы в рабочие органы тех стран, газеты которых я читаю.

Кстати, я совсем перестал получать болгарские социалистические издания. Я позволяю себе предположить, что и болгарские социалистические органы слишком вяло протестуют против того, против чего нельзя протестовать достаточно энергично. Таково общее настроение. Резолюция, исходящая, если память мне не изменяет, из цюрихского социалистического союза «Eintracht», требует мира без уплаты какого бы то ни было военного вознаграждения (Ohne Entschädigung). Положим, что это требование исполнено. Что же будет с Бельгией? Следует думать, что цюрихская резолюция «требует» удаления из нее немецких войск. Но не «требуют» ли «простые законы нравственности, и права», чтобы германская империя вознаградила Бельгию по крайней мере за тот огромный материальный вред, который был нанесен ей нарушением ее нейтралитета? А предъявить это как нельзя более справедливое требование — значит прежде всего прийти в противоречие с цюрихской резолюцией.

Когда один человек разорил другого, то разве лишь толстовец станет «требовать», чтобы они помирились «без вознаграждения». Мне сдается, что вялость, нерешительность и непоследовательность, замечающиеся в социалистической печати нейтральных стран, объясняются желанием тамошних социалистов остаться нейтральными *quand même*. А это стремление остаться нейтральными *quand même* также коренится в неправильном взгляде на то, как следует понимать отрицательное отношение международной социал-демократии к войне.

Социал-демократы нейтральных стран говорят (мне часто приходилось слышать это): «мы против войны, поэтому мы не хотим высказываться ни за одну из воюющих сторон; мы требуем мира и только мира». Но когда один человек на моих глазах душил другого, то я, разумеется, требую мира; однако это вовсе не значит, что я не имею права энергично выступить против душителя. А ведь первый манифест международного товарищества рабочих настоятельно советует нам стремиться к тому, чтобы к международной политике применялись те «простые законы нравственности и права», повиновение которым обязательно в личных отношениях.

Говорят также, — и с каким глубокомысленным видом, — что в современных международных столкновениях нельзя найти виновного и невозможно определить, кто собственно нападает и кто защищается. На это я отвечаю обыкновенно ссылкой на те слова Бебеля, что было бы слишком печально, если бы мы до сих пор не научились разбираться в вопросах такого рода. Иногда я рекомендую, кроме того, прочесть тот параграф книги Экка: «Die Internationale», который озаглавлен «Der Deutsch — Französische Krieg und die Arbeiterklasse».

Из него видно, как настойчиво и последовательно держались руководители первого Интернационала, с Марксом во главе, различия между оборонительной войной, с одной стороны, и наступательной – с другой, и как хорошо разбирались они в событиях Франко-прусской войны. Почему ясность суждений, бывшая достижимой для социалистических деятелей 1870–1871 гг., стала недоступной для социалистических деятелей 1914 г.? Неужели по той же причине, по которой никто из женихов Пенелопы не смог пустить стрелку из лука Улисса? Наконец, в данном случае обращение с луком Улисса очень значительно облегчается тем не раз упомянутым выше фактом, что германская социал-демократическая печать уже в конце прошлого июля как нельзя лучше выяснила, до какой степени вся ответственность за нарушение мира падает на Германию. Кто ввиду всего этого продолжает разводить в недоумении руками, тот действительно совсем не способен разобраться в интересующем нас вопросе. И тому следует заниматься химией, белой магией, музыкой, китайской грамматикой, – всем чем угодно, но только не мировой политикой (Weltpolitik): «*Studiate la matematica e lasciate le donne*», как сказала одна венецианка Жан-Жаку Руссо.

Теперь, кроме того, начинают повторять слова Коммунистического манифеста: «рабочие не имеют отечеств. Нельзя лишить их того, чего у них нет». Сделать это тем легче, что сами авторы манифеста позаботились об их разъяснении. Они говорят: «Стремясь прежде всего завоевать политическое господство – организовать в один национальный класс, устроиться в пределах нации, пролетариат еще остается национальным, хотя совершенно не в том смысле, как понимает это слово буржуазия».

В каком же смысле остается пролетариат национальным? В том, что, стремясь прежде всего устроиться в пределах нации, пролетариат отказывается подражать примеру буржуазии, которая в интересах своего отечества готова проглотить весь остальной человеческий род.

«Национальная обособленность и противоположность интересов различных народов, – говорит манифест, – уже теперь все более и более исчезает благодаря развитию буржуазии, свободе торговли, всемирному рынку, единообразию способов производства и соответствующих им жизненных отношений. Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение... В той же степени, в какой уничтожена будет эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожится и эксплуатация одной нации другой».

Вот в каком смысле манифест говорит, что рабочие не имеют отечества: они считают, что их страна не должна стремиться к обособлению себя от других стран и к противоположению своих интересов их интересам. Пролетариат требует не уничтожения нации, а прекращения эксплуатации одного народа другим. Но именно потому, что он требует уничтожения эксплуатации одного народа другим, он должен всеми силами восставать против той нации, которая в данное время делает попытку наложить свое ярмо на другие. Если он вздумает оставаться нейтральным в подобном случае, то он тем самым покинет свою международную точку зрения.

Отвергаемое мною понимание слов: «рабочие не имеют отечества» представляет собою не более, как разогретое антимилиитаристское учение Густава Эрве первой манеры. Известно, что, согласно этому учению, социалисты всякой данной страны не имеют никакого интереса к ее защите от неприятельских нашествий, так как им решительно все равно, сохранит она или нет свою независимость. Но едва ли своевременно разогревать это учение тогда, когда сам Эрве отказывается от него молчаливо, но, как Вам известно, совершенно недвусмысленно. А если кто во что бы то ни стало желает теперь выступить в качестве эрвеиста первой манеры, то ему непременно надо познать самого себя и уж никак не выдавать себя за марксиста. Отдайте Эрве то, что принадлежит Эрве, хотя он, может быть, и не поблагодарит вас за то, что вы напомним ему теперь об его старой ошибке.

Сами авторы манифеста как нельзя более далеки были от эрвеизма в своем отношении к понятию «отечество». Это до такой степени так, что одному из них (Энгельсу) принадлежит выразительная фраза: «werden wir angegriffen, so where wir uns». («Если на нас нападут, мы будем защищаться».) Этой фразой злоупотребляют теперь и будут злоупотреблять оппортунисты германской социал-демократии: им непременно нужно оправдать поддержку, оказанную ими империализму Бетмана-Гольвега. Но нет и не может быть такой истины, которую не клали бы в основу того или другого софизма, и я не хочу возвращаться к критике нынешнего поведения германской социал-демократии. Только что приведенные слова Энгельса имеют здесь для меня лишь значение совершенно неопровержимого свидетельства в пользу того, что он, — в полном согласии с Марксом, — признавал права немецкого и, разумеется, не одного только немецкого, народа на самозащиту. Нынешний сознательный рабочий класс в интересах своего собственного достоинства должен громче всех других классов современного общества кричать против таких международных преступлений, как беспощадное опустошение Бельгии, и ее официально возведенное теперь «присоединение» к Германии.

«Если на нас нападут, мы будем защищаться». Эти слова достаточно объясняют поведение как бельгийского, так и французского пролетариата. Достаточно объясняют они, между прочим, и вступление Гедэ, Самба и Вандервельде в министерства. Франция и Бельгия находятся теперь в одном из тех исключительных положений, при которых вступление социалистов в буржуазное министерство допускается решениями Интернационала. Правда, оно ослабляет, — скорее, почти прекращает на время борьбу классов. Но, — справедливо заметил однажды Франц Меринг, — данный народ должен существовать для того, чтобы иметь возможность решить, как он должен будет существовать. Эти слова, написанные еще лет семнадцать тому назад ортодоксальным Мерингом, надеюсь, не вызовут в Вас никакого недоумения, по крайней мере там, где речь идет о Бельгии и Франции. Но, насколько я могу судить по Вашему письму ко мне, Вас смущает русский вопрос. Потолкуем же и о нем.

Конечно, Вы охотно согласитесь признать право русского, — как и всякого другого народа, — на существование и на самоопределение. Но зная наши внутренние политические отношения, Вы видите, что в настоящее время огромным препятствием для освобождения русского народа являются пережитки старого порядка. И вот, желая добра русскому народу, Вы, думается мне, хотели бы, чтобы Германия победила Россию. Но до Вас дошел слух о том, что я, наоборот, смотрю на возможную победу Германии, как на большое несчастье для всей Европы; и Вы, зная, что я был горячим сторонником освободительного движения, с беспокойством спрашиваете себя: «неужели же он начинает мириться со старым режимом? Неужели же он переходит в ряды панславистов?»

Нет, дорогой товарищ, я как был, так и остаюсь непримиримым врагом реакции. К панславизму меня не тянет и не тянуло. И тем не менее меня в самом деле очень пугают последствия возможной победы Германии над Россией.

Вы рассуждаете так: «поражение официальной России равносильно увеличению числа шансов русской свободы; поэтому я желаю поражения». Очень сильно распространена у нас вера в то, что рассуждение это характеризует собой крайний революционный образ мыслей. Но это не точно. Так рассуждали когда-то наши либералы и даже славянофилы. Во время Крымской войны Хомяков (безусловно, чуждый всякого радикализма) находил, что поражение России даст полезный толчок ее внутреннему развитию. И это было совершенно правильно при тех условиях, при которых велась Россией Крымская война и некоторые другие войны.

Но откуда следует, что это будет правильно при всяких условиях?

Ниоткуда.

Чтобы военные неудачи данного государства послужили полезным толчком для его внутреннего развития, необходимо по крайней мере одно условие: нужно, чтобы они не привели к обеднению того родника, из которого бьет живой ключ народных освободительных стремлений. Ясно почему: ведь обеднение указанного родника означает ослабление тех общественных элементов, которым полезен был бы новый строй жизни. И ослабление этих общественных элементов может быть так велико, что военные неудачи поведут за собою даже упрочение старого порядка. Это может произойти везде, т. е., между прочим, и в России.

Теперь спрашивается: где же надо искать источник нашего освободительного движения? На этот вопрос я вот уже более тридцати лет с непоколебимым убеждением отвечаю: в экономическом развитии России, точнее говоря, в ее капиталистическом развитии.

Вам известен был этот мой ответ, и вы находили его правильным. Но если он правилен, то что следует из него?

Из него с неотразимой убедительностью верного математического вывода следует, что такое поражение России, которое замедлит ее экономическое развитие, будет вредно для дела народной свободы и полезно для старого порядка.

Все, что замедляет наше экономическое развитие, поддерживает нашу реакцию, представляющую собою своеобразное политическое следствие экономической отсталости русской земли.

Видите, как оборачивается дело.

Недаром наш незабвенный Чернышевский, характеризуя приемы диалектического мышления, говорит: «Все зависит от обстоятельств, времени и места». Мы должны мыслить диалектически. Кто мыслит как метафизик, кто рассуждает по готовым шаблонам, по заученным формулам, тот не марксист, а злая пародия на марксиста.

Но пойдем дальше.

Есть ли у нас основание опасаться того, что поражение России в нынешней войне будет вредно для ее дальнейшего экономического развития?

Да, у нас есть полное основание опасаться этого.

Почему?

Да очень просто. За это ручается нам сущность империалистской политики. Она состоит в том, что народ-победитель превращает побежденный народ в предмет экономической эксплуатации. Вследствие такой эксплуатации ускоряется экономическое развитие народа-победителя и замедляется экономическое развитие побежденного народа.

Оттого я с тяжелым сердцем представляю себе, что и до сих пор еще возможна победа Германии. Я знаю, что это мое опасение вызывает нападки на меня со стороны товарищей, склонных к шаблонным рассуждениям. Но я не могу изменить своего взгляда, хотя бы против меня ополчились все жители земли и все обитатели других планет.

Я предвижу наперед, мне скажут: «в таком случае вы должны определиться на службу к русской реакции». Но меня и прежде не сбивали, и теперь не собьют подобные возражения. Я к ним притерпелся. Известный французский живописец Eugène Delacroix, которому выпало на долю выслушать множество нелепых критических уроков, к концу своей жизни воскликнул: «Voilà trente ans que je suis livré aux bêtes». Вы знаете историю моей литературной деятельности, вы помните, какие споры пришлось вести мне об историческом значении русского капитализма, и вы согласитесь, что я имею печальное право повторить, в применении к себе, слова Delacroix. Неприятно быть livré aux bêtes, но кто в течение нескольких десятилетий испытывает эту неприятность, тот привыкает к ней и насмехается над нею.

Когда я говорил: «Россия не может миновать фазу капитализма, и нам следует восставать против всего того, что задерживает ее развитие в этом направлении. Умные люди усиливались поймать меня на аркан следующего, неизбежного, как им казалось, заключения: в таком случае вам надо определиться на службу к капиталу. (Открыть кабак, как писал самый догадливый из этих умных людей, С. Н. Кривенко.) Чтобы обнаружить всю до смешного жалкую несостоятельность этого будто бы неотвратимого вывода, мне надо было написать две книги («Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю») и довольно много статей. Я надеюсь, что теперь мне уже

не придется затратить так много труда на опровержение того, — совершенно тождественного по своему низкому логическому достоинству, — вывода, что если, по моему мнению, вредны будут для нашего освободительного движения экономические последствия победы Германии над Россией, то я должен сделаться слугою русской реакции. По отношению к капитализму я сумел начертить ту линию поведения, которая, как показали последующие события, была самой плодотворной из всех возможных в свое время. Нетрудно будет мне начертить такую же линию и по отношению к реакции.

Положение народа ясно. Совершенно понятно, что народ не хочет сделаться жертвой эксплуататорских appetites германских империалистов: он не толстовец. Но чтобы дать отпор служителям этих appetites, нужно быть сильным, а нас ослабляет отсталый строй русской жизни. Всем известно, что немецкий император был надежным защитником старого порядка. Защищая его, он знал, что делал. Он понимал, что существование этого порядка выгодно не для русского народа, а для немецких юнкеров и империалистов, так как облегчает победу Германии над Россией. Вот почему, справившись с внешним врагом, необходимо покончить с застоём в русской жизни.

Однако, скажете Вы, если Россия выйдет победительницей из нынешней войны, то ее население отнесет победу на счет старого порядка. Пусть будет так. Даже усилив на время реакцию, победа приведет в конце концов к ее исчезновению, так как благодаря победе Россия избежит тех препятствий, которые были бы воздвигнуты поражением на пути ее экономического развития. Ведь я — марксист. Я знаю, что экономическое развитие лежит в основе всякого другого. И я вполне верен себе, когда утверждаю, что то явление, которое грозит нам экономическим застоём, угрожает также увековечить нашу политическую отсталость.

Повторяю, не следует думать, что поражение данного отсталого правительства внешним врагом всегда сопровождается утратой им влияния на свой народ. Лассаль очень тонко замечает в одном из своих писем, что никогда население Пруссии не было так сильно привязано к своему королю, как в 1807 г., когда Наполеон разбил его наголову. С другой стороны, победоносное окончание наполеоновских войн дало в России сильный толчок развитию освободительного движения в том общественном слое, который один доступен был тогда для освободительных идей. Тут надо принять во внимание также и то, что при нынешних обстоятельствах поражение германского империализма будет сильно способствовать возникновению движения в самой Германии. Такое положение будет в то же время и поражением правого крыла германской социал-демократии. Ну как же не сказать, что неблагоприятный для Германии исход нынешней войны крайне желателен.

Еще и еще раз: все зависит от обстоятельств времени и места. Есть много поводов думать, что те обстоятельства, при которых ведется Россией нынешняя война, в случае удачного ее окончания, — не приведут даже и к непродолжительному упрочению реакции. Ни для Запада, ни для нас война эта не есть, как выражаются немцы, ein Kabinettskrieg. Это, — чтобы опять употребить не-

мецкое выражение, – ein Nationalkrieg. Она грозит ухудшением условий существования всей русской «нации», т. е. всей нашей трудящейся массе. И вся наша трудящаяся масса каким-то инстинктом чувствует это. Она упорно борется, но борьба с внешним врагом в весьма значительной степени возбуждает ее самостоятельность.

Post-Scriptum.

Мой ответ Вам был не только написан, но переписан и приготовлен к отправке, когда я прочел в «L'Eclaireur de Nice» (от 7-го ноября) перепечатанное этой газетой из «Neuen Züricher Zeitung» известие о том, что Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг и Клара Цеткин печатно заявили о своем полном несогласии с Зюдекумом и Фишером, – т. е. с оппортунистами, – во взгляде на причины и характер нынешней войны, а также и на роль, которую играет в ней социал-демократия. Лучше поздно, чем никогда. Однако мы остаемся в неизвестности насчет того, как же, собственно, смотрят на все это вышеназванные радикальные товарищи: они прибавляют, что осадное положение мешает им высказаться. Это тем более жаль, что ведь сумели же когда-то, несмотря на цензурные строгости военного времени, высказать свой взгляд на войну Август Бебель и Вильгельм Либкнехт.

Плеханов Г. В. О войне. Пг., 1915. С. 7–33.

Ленин В. И.

ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Европейская война, которую в течение десятилетий подготавливали правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточноевропейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата – таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачать ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны.

листического бюро (МСБ) II Интернационала. Член парламента с 1894 г. В 1914 г. вошел в правительство и неоднократно бывал министром (иностраннных дел, юстиции и др.).

К стр. 73. Жорес (Jaurès) Жан (1859–1914) – деятель французского и международного социалистического движения, борец против колониализма, милитаризма и войны, философ, историк. В период нагнетания националистической истерии перед началом войны Жорес был застрелен 31 июля 1914 г. французским националистом в парижском кафе, накануне объявления мобилизации. Поэтому его иногда называют первой жертвой ещё не начавшейся войны.

– *Par excellence* (фр.) – преимущественно.

К стр. 74. «научный орган германской демократии» – газета «Die Neue Zeit».

– *Эмиль (Emil) Карл* см.: Ленин В. И. ПСС. Т. 28. С. 567.

– *капиталистический натиск на Южную Америку – на Бразилию в особенности* – начался с мая 1898 г., с посылки германской эскадры в Манилу (Филиппины) с целью вмешательства в испано-американскую войну.

– *китайская авантюра Германии*. – В конце 1897-го – начале 1898 г. германские правящие круги захватили у Китая Цзяочжоу, а в 1899 г. начали наряду с правительствами других стран подавление Ихатуаньского восстания.

– *«мароккский инцидент»*. Летом 1911 г. Германия была на волоске от войны с Францией и Англией. 1 июля германская канонерская лодка «Пантера» прибыла в Агадир. Возник второй марокканский конфликт (первый относится к январю–апрелю 1906 г.), из-за столкновения французских и германских интересов в Африке.

– *«движение в Среднюю Азию»*. Речь идет о попытках усиления влияния Германии в Турции и среднеазиатском регионе.

– *«съезд германской с.-д.»* Речь идет о Майнгеймском съезде германской социал-демократии (1906 г.), фактически отменившем решение предыдущего Иенского съезда, признавшего массовую политическую стачку одной из важнейших форм борьбы пролетариата.

– *Немезида (Немесиды)* – в греческой мифологии богиня, дочь Никты (ночи), именуемая также Адрастеей («неотвратимой»).

Плеханов Г. В. Из письма болгарскому социалисту

Письмо это было адресовано болгарскому социалисту Захарию Петрову и явилось результатом дополнения и переработки публичного реферата «Об отношении социалистов к войне», прочитанного Г. В. Плехановым в конце сентября на собрании российских эмигрантов в Лозанне. Позже под названием «О войне» оно было издано отдельным изданием в Петрограде (1915).

К стр. 76. «в конце июля в Брюсселе состоялся съезд Международного социалистического бюро, сопровождавшийся большим международным митингом против войны. В речи, произнесенной на этом митинге, представитель германской социал-демократии, т. Гаазе, весьма прозрачно намекнул, что война может послужить поводом для активного выступления немецкого пролетариата». Брюссельская сессия МСБ состоялась 16–18 июля 1914 г. Гаазе (Haase) Гуго (1863–1919) – один из лидеров германской социал-демократии, одно время председатель правления партии, центрист, депутат рейхстага, с 1912 г. – председатель его социал-демократической фракции. На большом митинге, который состоялся в Брюсселе, в дни работы МСБ, Гаазе заявил, что в случае войны германский пролетариат получает возможность выполнить важную интернациональную (международную) миссию, поддерживая русский пролетариат в его борьбе с самодержавием, которое представляет и т. н. «восточную опасность» для более передовой Европы.

- *Keinen Mann! Keinen Groschen!* (нем.) – Ни одного человека! Ни одной копейки!
- *Une Tartufferie* (фр.) – этому ханжеству (этому лицемерию).

К стр. 77. «в 1870 г. Бебель и Либкнехт воздержались при голосовании военного кредита, хотя считали Францию нападающей страной. Бебель говорил впоследствии, что он и Либкнехт голосовали бы против кредита, если бы не были введены в заблуждение Бисмарком, фальсифицировавшим известную Эмскую депешу». Речь идет о начале Франко-прусской войны, когда поставленный прусским королем Вильгельмом I во главе правительства Бисмарк начал осуществлять объединение Германии «железом и кровью». Бебель (Bebel) Август (1840–1913), Либкнехт (Liebknecht) Вильгельм (1826–1900) – выдающиеся деятели немецкого демократического и рабочего движения. Эмская депеша – фальсифицированное и опубликованное Бисмарком изложение беседы французского посла с королем Пруссии по поводу рассматривавшегося приглашения на вакантный престол Испании принца Леопольда Гогенцоллерна, поступившего со стороны испанского правительства. Заявив резкий протест против воцарения в Испании немецкого принца, Франция потребовала, чтобы прусский король обязался «на все будущие времена» не давать своего согласия на подобные предложения. Король отказался дать такие гарантии, но на приеме в Эмсе заявил французскому послу, что «прусское правительство продолжает оставаться в стороне». 13 июля 1870 г. изложение этой беседы было сообщено Бисмарку из Эмса по телеграфу в Берлин. Получив от начальника прусского генерального штаба заверения о готовности армии к войне, Бисмарк решил использовать «эмскую депешу» для провокации. В новом тексте концовка была оскорбительной для Франции: «Его величество король отказался затем еще раз принять французского посла и приказал дежурному адъютанту передать ему, что его величество не имеет ничего более сообщить». Этот текст был передан Бисмарком в печать и всем прусским миссиям за границей и на следующий день стал известен в Париже, послужив предлогом к началу войны.

– «В Штутгарте они чувствовали себя глубоко обиженными, когда Густав Эрве заподозрил их в том, что они не решатся оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление политике крови и железа». – На Седьмом (Штутгартском) конгрессе Исполкома II Интернационала французский социалист Эрве (Hervé) Гюстав (1871–1944), представлявший тогда полунархическое течение среди социалистов Франции (т. н. Эрве первого периода) представил свою резолюцию о милитаризме, предлагая на всякую войну отвечать стачкой и восстанием. До Первой мировой войны Эрве выпускал популярную среди рабочих газету «La Guerre Sociale» («Социальная Война»). За несколько дней до начала войны, 28 июля 1914 года, газета еще выходила с аншлагом: «Долой войну!», а в передовой статье этого номера, написанной Эрве, подчеркивалось: «...Это не война для защиты маленькой Сербии, это война для спасения престижа нашего союзника, царя. Лучше порвать нам оборонительный союз с Россией, чем следовать за ней в наступательной войне против Австрии». Однако уже на следующий день, 29 июля, когда Австрия объявила войну Сербии, Эрве, круто изменив позицию, писал: «...Обязанность наша – социалистов-интернационалистов – защищать очаг свободы, который наши отцы-революционеры 1789, 1792, 1848, 1871 годов создали ценой таких усилий и потоков крови». В дальнейшем он быстро выродился в крайнего социал-шовиниста и вскоре изменил даже название своей газеты, переименовав ее из «La Guerre Sociale» в «Victoire» («Победа»).

К стр. 78. «Но из этого отнюдь не следует, что немецкий император, так энергично подерживавший политику «успокоения» в 1905–1907 годах, ополчится на борьбу с нею в 1914 году». Во время первой российской революции Вильгельм II рассматривал вопрос о возможности военного «успокоения» революционной России для упрочения самодержавной власти.

К стр. 79. Франк (Frank), Людвиг (1874–1914) – немецкий социал-демократ, один из лидеров ревизионистов, адвокат. С 1907 г. – член рейхстага. На Магдебургском партийтаге (1910) выступал за голосование военных кредитов. В начале Первой мировой войны пошел добровольцем в армию, убит на фронте.

К стр. 80. «Манифест Коммунистической партии» – первый программный документ научного коммунизма, написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 г. по поручению предшественника I Интернационала, Союза коммунистов – первой международной организации рабочей солидарности (1847–1852), прекратившей свое существование после инспирированного прусским правительством Кельнского процесса над коммунистами.

К стр. 82. «Говорят, что с таким протестом собирается выступить Карл Либкнехт. Будем надеяться, что он поведет себя как достойный сын своего отца». 2 декабря 1914 г. Либкнехт (Liebknecht) Карл (1871–1919) единственный во всем рейхстаге голосовал против военных кредитов. Карл – один из троих сыновей Вильгельма.

–...«*Gleichheit*» Клары Цеткиной». – Журнал «Равенство», издаваемый Цеткин (Zetkin) Кларой (1857–1933) – в 1881–1918 гг. входившей в социал-демократическую партию Германии (принадлежала к ее левому крылу), а затем – одна из основательниц коммунистической партии Германии, член Президиума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ).

К стр. 83. «Резолюция, исходящая, если память мне не изменяет, из цюрихского социалистического союза *«Eintracht»*, требует мира без уплаты какого бы то ни было военного вознаграждения (*Ohne Entschädigung*)». Плеханов имеет в виду резолюцию цюрихского социалистического рабочего союза *«Eintracht»*, интернационального по своему составу, принятую во второй половине сентября по докладу Л. Д. Троцкого. См.: Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1929. Т. 1. Гл. XII.

– *Quand même* (фр.) – даже так, все же.

– «Иногда я рекомендую, кроме того, прочесть тот параграф книги Экка: *“Die Internationale”*, который озаглавлен *“Der Deutsch – Französische Krieg und die Arbeiterklasse”*». Плеханов указывает на написанный Марксом манифест Генерального совета Интернационала от 23 июля 1870 г. и Брауншвейгский манифест эйзенахцев, также вышедший из-под пера Маркса со ссылкой на Иекка. Иекк (Jaekh) Густав (1866–1907) – германский социал-демократ, журналист. Автор книги «Интернационал», неоднократно издававшейся на русском языке. См., напр.: Иекк Г. Интернационал / вступ. статья К. Каутского / пер. с нем. Б. Смирнова и А. Ратнер; под ред. А. Санина. СПб., Знание, 1906. С 1901 г. Иекк – редактор органа левого крыла германской социал-демократии – газеты *«Leipziger Volkszeitung»*, сотрудничал в журнале *«Die Neue Zeit»*.

К стр. 84. «никто из женихов Пенелопы не смог пустить стрелку из лука Улисса». Речь идет об одном из эпизодов поэмы Гомера «Одиссей».

– «*“Studiate la matematica e lasciate le donne”*, как сказала одна венецианка Жан-Жак Руссо». «Изучайте математику, оставьте женщин». Руссо (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778) – французский писатель и философ.

К стр. 85. Бетман-Гольвег (Bethmann Hollweg) Теобальд фон (1856–1921) – рейхсканцлер Германской империи, министр-президент Пруссии 1909–1917 гг.

– Гед (Guesde) Жюль (1845–1922) – один из основателей Французской рабочей и Французской социалистической партий. Видный деятель международного рабочего движения. Входил в число лидеров II Интернационала. Талантливый публицист и организатор. В 90-х гг. XIX века, будучи членом палаты депутатов французского парламента, воз-

главлял в нем социалистическую фракцию. С началом Первой мировой войны вошел в состав правительства Франции. В августе 1914-го – сентябре 1915 г. – государственный министр. *Самба (Semba) Марсель* (1862–1922) – один из лидеров французских социалистов, член палаты депутатов с 1893 г. В августе 1914-го – сентябре 1917 г. министр общественных работ.

– *Меринг (Mehring) Франц* (1846–1919) – один из руководителей левого крыла германской социал-демократии, философ, историк, литературный критик.

К стр. 86. Хомяков Алексей Степанович (1894–1860) – русский религиозный писатель, поэт, публицист, один из основоположников славянофильства.

К стр. 87. «наш незабвенный Чернышевский». Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) – русский философ-утопист, революционер-демократ, ученый, литературный критик, публицист и писатель.

– *«Eugène Delacroix, которому выпало на долю выслушать множество нелепых критических уроков, к концу своей жизни воскликнул: “Voilà trente ans que je suis livré aux bêtes”»* – «Вот уже тридцать лет отдан на откуп глупцам». Известный французский живописец и график – *Делакруа (Delacroix) Эжен* (1758–1863) – глава французского романтизма.

– *Кривенко Сергей Николаевич* (1847–1906) – публицист, представитель либерального народничества, в 1879 г. примкнул к «Народной воле». В 1884–1890 гг. в ссылке. Затем сторонник «малых дел теории». Сотрудник журнала «Отечественные Записки», один из редакторов журнала «Русское Богатство», а затем газеты «Сын Отечества». Отрицал путь капиталистического развития России.

– *«мне надо было написать две книги... и довольно много статей»*. См.: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия. Женева. Типография Группы «Освобождение труда», 1884 (на обложке – 1885) и *его же: Бельтов Н.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и компании. СПб., 1886.

К стр. 88. «никогда население Пруссии не было так сильно привязано к своему королю, как в 1807 г., когда Наполеон разбил его наголову». Речь идет о победах Бонапарта, который за четыре года, вернувшись во Францию после египетской экспедиции, прошел путь от первого консула (февраль 1800 г.) до наследственного императора (май 1804 г.) Наполеона I (1769–1821) и, одержав победы над антифранцузской коалицией при Ульме и Аустерлице, присоединив к Италии Венецию и Далмацию, учредив в Голландии и Неаполе вассальные королевства, а в Германии – Рейнский союз, в 1806–1807 гг. разбил Пруссию при Иене, Эйлау и Фридланде.

К стр. 89. Фишер (Fisher) Рихард (1855–1926) – немецкий социал-демократ, в 1880–1890 гг. работал в социал-демократических типографиях в Цюрихе и Лондоне; в 1890–1893 гг. был секретарем социал-демократической партии, в 1893–1903 гг. заведовал партийным книгоиздательством, был издателем и администратором центрального органа партии «Vorwärts».

Ленин В. И. Война и российская социал-демократия

Документ записан Н. К. Крупской под диктовку автора не позже 28 сентября и лично выправлен автором (см.: РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3400, 3401, 3402). По этому экземпляру (без подписи, но от имени ЦК РСДРП) опубликован 1 ноября 1914 г. в большевистской газете «Социал-Демократ». Документ был объявлен официальным Манифестом российской социал-демократии, выражающим общепартийную позицию по отношению к начавшейся войне. И это несмотря на то, что ни одна из фракций партии тех направлений, что не принимали участия в Пражской конференции 1912 г., созданной большевиками, не признавала